

Аполлон СКАЛЬКОВСКИЙ

РУМЫНСКИЕ ДОБЛЕСТИ

Довольно обширный и многолюдный край, известный теперь под именем «Румынского Королевства», долгое время мало был известен в России. Для того мы считаем нужным напомнить нашим читателям, что он лежит между Дунаем, Прутом и Карпатскими горами и граничит с запада с Австрийско-Семиградской областью, или Трансильванией, а с севера с Бессарабией, т.е. Россией. Он состоит из двух отдельных частей, родных по происхождению и языку народностей, но почти всегда враждебных друг другу: Валахии и Молдавии. Часть последней под именем Бессарабия с 1813 г. принадлежит России. Южная часть этой части между Днестром и «Траяновым валом» была совершенно другого происхождения и обитаема совершенно другими жителями не румынских родов. Это Буджак, обиталище, а до 1807 года кочевье орды ногайцев. Это нынешний Аккерманский, частью Бендерский и частью бывший Кагульский уезды Бессарабской губернии. Часть Западной Бессарабии по Днестру называлась «Хотинской райей» и принадлежала собственно султанскому двору, а южная, обитаемая татарами, или Буджак — Порте Оттоманской только как сюзерену, а составляла в сущности удел или чефлик крымских ханов до конца 1770 годов.

Таков был край, называемый теперь «Румынией»; и многим русским людям, мало знакомым с историей Южной России, любопытно будет узнать значение этого наименования Молдавии и Валахии. Мы постараемся объяснить это имя по возможности. Турки, завоевав в течение XV и XVI столетий все земли Византийской империи и Италии в Крыму и на Азовских берегах, которую они называли *Рум*, т.е. Римом, оставили за некоторыми частями империи еще живое для них страшное имя римской провинции. Таким образом, собственно Греция называлась да и доселе называется у них *Рум*, город Неаполь в пров. Морее *Наполи ду Романи*, а вся бывшая Македония и часть древней Болгарии называлась Румелией и так называется и доселе. Но *румали*, или румы, как нация, обитавшая в упомянутом нами крае, никогда не назывались так в старые годы. Это имя скорее книжное, или хоть письменное, но не народное. Одна часть края называется Валахией, а в народе Мунтованами, т.е. горцами, из чего поляки сделали свое ей название *Multawy*, или Молдавия дальняя. Нет сомнения, что название Молдавии и молдаван весьма новое и произошло от р. Мол-

давы, как говорят историки Польши XVI столетия. Но откуда появилось название «Валахов», «Валахии» или *волоши*, как называли их воевавшие с ними козаки и поляки – определить трудно. Есть указание у Лелевеля и других польских историков, что это имя *доисторическое* и произошло от галлов – тех галлов, имя которых приурочено к автономам: в Валлийском княжестве в Англии, в Галиции Испанской и даже в Галиче Червонной Руси. Оттого некоторые этнографы полагают, что горные румыны хотя говорят на одном языке с молдаванами и исповедуют одну православную веру, называются волохами или влахами¹, а соседние с Бессарабией молдаване – от долин р. Молдавы, где они первоначально поселились. Но этот вопрос мы решать не смеем.

Другой вопрос, кто были первобытные или автономные жители Румынских княжеств, до сих пор не разрешен. Древние и средневековые писатели называют край этот «Дакийей», а главную часть жителей считают римскими колонистами, т.е. легионами, пограничными с теми из провинций, куда они были в наказание высланы, подобно нашим поселенцам Сибири. В числе их был и Овидий, злополучный поэт и царедворец Рима. В письме знаменитый поэт говорит о степях Румынии и Бессарабии:

Solitudo Gaetarum
Inermis et inaquosa.

А в другом письме – что варвары, к которым его сослали, считали его за «варвара» – незнакомаго даже с туземным языком: *Barbarus hic ego sum quia non intelligor ulli* (Ovid. Trist. ex Pont. X). Он бы не мог сказать этого, если бы жил среди римлян, вольных или сосланных единоплеменцев.

Но мы имеем еще два неоспоримых документа о том, из каких элементов составилось существующее народонаселение Румынии. Это этнографический его состав в отношении земли, им заселенной, и его язык. На этот последний вопрос мы имеем довольно серьезное указание *Г. Гинкулова* в его сочинении – на русском языке – об элементах румынского языка². Вот что он говорит на стр. XIII своего предисловия:

«Вообще, в отношении к количеству слов, составляющих язык румынский, можно допустить следующую приблизительную пропорцию: от 4/10 до 5/10 слов в нем латинских, около 3/10 славянских, остальные же заимствованы большей частью из языков: венгерского, турецкого и греческого». Но о древнем языке туземном – гетском и дакийском – не сказано ни слова, хотя целые сотни слов и названий молдавского языка явно не принадлежат к упомянутым языкам, а имеют корень в автономном наречии – как само название Бессарабии, ибо поэт Овидий в своих «Tristitia» называет знакомых ему варваров «бес-

сами». В настоящее время судить об этом вопросе очень трудно, ибо так называемый книжный язык у молдаван представляет такую смесь разных языков и наречий, что в нем разбираться трудно и бесполезно.

Гораздо важнее для этнографа Румынии изучение географических названий местности, хотя бы, например, в XVIII столетии, на что имеются документы в атласах. Так, в карте Молдавии 1811 года, изданной в Вене абб. **Гербертом** по чертежам русского инженера **Боура** (1787-1796), мы находим чисто русские или славянские названия урочищ, а именно: Братушны, Слободы, Глубоко, Солощи, Млады, Кожуши, Коросты, Липовец, Владычно и др., рядом с полурумынскими и полуславянскими названиями: Вале-Солощи, Вале-Добри, Вале-Соколы, и чисто латинскими: Фогли, Ларги, Гальбни, Галети, Ридни; и это встречается на всяком шагу в северных, т.е. чисто молдавских уездах.

Но есть имена урочищ, рек, долин (балоне, вале) и, следовательно, селений, где звучат неведомые для нас названия, вероятно, туземного автономного происхождения, – быть может, от тех гетов, даков и даже «скифов», от которых и самую страну Овидий называет ***solitudo Gaetarum***. Таковы: Балчане, Колцуне, Гинкул, Чучулея, Кацалея и т.д.

Мы уже не напоминаем о татарских названиях местностей собственно в степях Буджака, т.е. южной части Бессарабской губернии, напр.: Дручинж, Чимышлия, Абаклы, Садыклы, Татар-Кончак, Акмангит, Байрамча и др., так как они появились едва в XV или XVI столетии, т.е. после завоевания этой части Южной России турками и их вассалами – крымскими и ногайскими татарами. Самое название главного города Бессарабии – Кишинев (Кишла-нев), т.е. новое селение, есть уже смесь татарского с латинским, а название реки Бык славянского происхождения.

Но возвращаемся к языку румынских народностей, особенно же к славянскому. Славянский язык (преимущественно болгарское наречие) и его письменность имеют большое влияние на обитателей Румынии по следующему обстоятельству. Г. Гинкулов говорит (1 с. стр. XIV), что «славянская азбука была введена в молдавский письменный язык в XV столетии, когда старанием митрополита Феокиста при молдавском государе Александре Добром в богослужебных книгах латинские буквы заменены славянскими, да и самый язык понемногу введен в употребление. Тогда церковные книги, господарские грамоты и другие акты более двух столетий были писаны и даже печатаны; да и само богослужение в церквах совершалось на языке дунайских славян (болгарском)³. Но, прибавим, что в то же время не только народы Румынии, но само духовенство (большей частью) языка славян не понимало. Далее почтенный автор присовокупляет: «Только во время российского в княжествах управления (в 1830 году) правитель-

ство наше обратило бдительное внимание и на народное образование и вследствие этого заводило училища, предпринимало периодические издания, словом, дало толчок национальному просвещению».

А в политическом отношении что сделала Россия, т.е. русское правительство для пользы, спокойствия и развития в Румынских княжествах – увидим ниже.

Предшественники наших полков в Юго-Западной России: козачество, Литва, а после и Польша в XVI и XVII столетиях имели с владыками-завоевателями Румынии – турками и татарами многие и многие войны. Вся история этих двух столетий наполнена событиями разных, всегда почти пагубных и для края, и для неприятеля, чисто наезднических, можно сказать, подвигов не только воинов запорожских, но даже гетманов и королей польских на эти злополучные области. Всем известна катастрофа, постигшая короля польского Иоанна Альберта в 1498 году в лесах Буковины, где вся почти его армия погибла и сам король едва не пал, и если Польша не была разорена валахами, турками и татарами – то единственно благодаря жестокой и внезапной зиме, постигшей нападавших. Затем все рыцари, т.е. главные и меньшие гетманы: Конецпольский, Замойский, Жолковский и др. - пробовали счастья завоевать для Польши или, лучше сказать, для себя Молдавию. И все эти наезды оказывались или бесплодны или губительны для наездников: кн. Вишневецкого замучили в Константинополе, Жолковского убили под Цецорой в Бессарабии.

Россия, как держава еще непорубежная, позже других выступила на этом поприще. Всем известно, что первые военные шаги наши в этом крае были весьма для нас тягостны, хотя руководил ими бессмертный монарх Петр Великий. Мы говорим о так называемом Прутском походе, предпринятом по убеждению турецкого эмира – молдавского воеводы князя Кантемира и в надежде на его содействие и на помощь румун в доставлении – разумеется, за деньги – продовольствия и других припасов; о военной же помощи молдаван и речи не было. Но все обещания исчезли, как дым, когда русская армия явилась на берегах Прута и при устьях Дуная. Под предлогом засухи и саранчи войска наши не получали ни хлеба, ни фуража, несмотря на громадные суммы, отпущенные боярам-поставщикам, и сам Кантемир, не имевший в княжествах никакого значения, должен был спастись в рядах русской армии, чтобы его собственные подданные не выдали его султану. Но эта кампания слишком известна всякому русскому, чтобы еще раз повторять злополучный ей эпизод. Ее последствием было заключение с турками Прутского договора 12 июля 1711 г., с потерей Азова и крепостей, построенных русскими на берегах Азовского моря и Днепра, и в том числе и нового города на мысе Таганрог.

Тоже горькие события принесла нам кампания, окончившаяся Белгородским договором 16 августа 1739 г., несмотря на храбрость русской армии и победы Миниха – взятие Очакова и Кинбурна, затем и почти всей Северной Бессарабии. Но русские войска не могли проникнуть к югу Бессарабии, покорить Буджак, прогнать в Крым ногайцев и занять Аккерман, Бендеры и другие меньшие днестровские крепости. Напрасно Ласси бил хана крымского и разорил его владения. Но, благодаря лживой союзнице – Австрии, спешившей заключить отдельный мирный договор с Турцией во вред России, русская армия должна была отступить и не спасти ничего из петровских завоеваний, а главное – не позволили нам достигнуть заветной мечты великого царя – свободного плавания по Азовскому и Черному морям русским, даже торговым кораблям.

Здесь в первый раз политические сношения России с Турцией на счет румынских областей определяются категорически. Так, дополнительными к белградскому трактату договорами в Ниссе и Константинополе 3 октября и 28 декабря 1739 года определено: «Крепость Хотин и все места, занятые россиянами в *Молдавии*, будут возвращены Турции в таком положении, в каком они находились».

Из этого договора всем нам видно, что Румыния как держава за 100 лет не существовала, а ее области возвращаются, как утраченная временно ее собственность.

Но наши серьезные политические сношения с Румынией, или лучше сказать, за румынов, начались в царствование императрицы Екатерины II и продолжались уже более столетия – но для их только пользы. Всем известны достолавные договоры, заключенные с Турцией в 1774 и в 1791 годах. В первом, т.е. Кучук-Кайнарджинском трактате 10 июля 1774 года ст. XVI в 10 параграфах выражены категорически все те милости, которые излиты Россией княжествам Молдавскому и Валахскому, добыты жертвой тяжкой войны (1769-1774 гг.) с могущественною тогда Турцией, при поддержке еще ее нашей милой союзницей, – и жертв крови нашего благородного русского войска и многих миллионов рублей, затраченных на сии наши кампании. Мы списываем здесь дословно некоторые пункты таких договоров, чтобы показать современникам, какие тяжкие жертвы несло наше отечество для пользы или, лучше сказать, политического воскресения православных, хотя и чуждых нам по языку и обычаям народов⁴.

«§ 1. Порта возвратит княжествам все права и преимущества, какими они пользовались до начала войны.

§ 3. Возвращены будут все земли, занятые во время войны с турками, принадлежавшие монастырям и частным лицам, в округах: Браиловском, Хотинском и Бендерском.

§ 6. Порта не будет требовать от жителей княжеств никакой уплаты старых долгов.

§ 9. Господари сих княжеств будут иметь при Константинопольском дворе уполномоченных от себя, с коими Порта должна поступать благосклонно, как с особами, пользующимися правами народными.

§ 10. Российские посланники при Порте имеют право действовать, если встретят в том надобность, в пользу княжеств Молдавии и Валахии.»

Но «угнетение» Россией румынского «народа», говоря языком нынешней молдавской интеллигенции⁵, еще этими милостями не удовлетвоялось, как видно из следующих строк предварительного договора с Турцией 27 декабря 1789 года (§ 4), которым императрица Екатерина II потребовала от Турции «согласия на то, чтобы из Молдавии и Валахии образовано было независимое государство, коего монарх будет греческой веры»⁶.

Так желало и действовало наше благородное и великодушное правительство, а союзница России в этой войне Австрия, видя свои армии везде разбитыми турками, воспользовалась благовидным предложением смерти своего императора Иосифа II и предложила Турции мир, пренебрегая военными успехами, а тем более явными интересами, предоставляя России одной ведаться с огромным тогда и стойким войском оттоманов. Австрия не могла допустить осуществления такого предложения России - мысли об учреждении независимого государства в 6 000 000 жителей на Дунайской границе, по вере и преданиям естественных союзников русских, считая ее угрозой для своего непрочного и так существования в середине Европы – и война продолжалась.

К счастью, и тогда, как и теперь, Россия не нуждалась в союзниках, хотя тогда ее армия не была еще велика и едва устроилась по образцу Фридриха В. После Румянцева, в 1790-х годах, были во главе ее Кутузов, Потемкин и главный бессмертный истинно русский витязь Суворов. Их победы в поле, взятие штурмом Очакова и Измаила и вслед за ними крепостей приднестровских решили кампанию и открыли для империи блистательную политическую будущность. К несчастью, хотя Ясским договором 29 декабря 1791 года русский рубеж на юге шел по Днестру, но Бессарабия до 1812 года, как часть Молдавии, вместе с обоими княжествами возвращена Турции. Статья IV этого достопамятного договора гласит:

«Россия возвращает Турции Бессарабию, Бендеры, Аккерман, Килию и Молдавию с тем, чтобы Турция исполняла все обязанности, принятые ею на себя по прежним договорам в отношении княжества Молдавского»⁷.

Как дополнение к предыдущей благотельной статье договора в пользу румынов может служить следующая конвенция с Турцией 12 сентября 1802 года:

«Господари Молдавии и Валахии должны пребывать в своем достоинстве семь лет, считая со дня утверждения их в оном. Прежде истечения сего срока Порты не имеет права сменять их, если только они не будут обличены в явном каком-либо преступлении и в неприязненных намерениях против султана. Если же случится сие, то Порты должна предварительно уведомить о том российского посланника, находящегося при дворе, который, совокупно с чиновниками султана, рассмотрит дело господаря и, буде найдет его действительно виноватым, изъявит Дивану согласие на сменение его»⁸.

Эта замечательная «Конвенция» была краеугольным камнем защиты политической и, следственно, будущего развития полуавтономных румынских княжеств. Но России предстояла новая война с Турцией, именно от изложенного выше русского покровительства. По обычаю, турки не церемонились, подстрекаемые французским правительством, – как в 1850 и 1870 годах английским и австрийским правительствами, – нарушили конвенцию, сменив без согласия России господарей Мурузи и Ипсиланти. Война снова возгорелась на суше и на море и продолжалась почти 5 лет, несмотря на подвиги Кутузова, Сеньявина, Каменского и др. Война эта в тех же пределах и за те же вопросы была для России тяжелым бременем, ибо, несмотря на Тильзитское свидание и договор с пугалом Европы Наполеоном I, Франция с огромной своей армией и с войсками половины Европы напала на Россию в 1812 году и вызвала на помощь и силы Порты. Турки в этом случае стали жертвой, были всюду побиты, а плодом русских подвигов было приобретение Бессарабии, северной т.е. части Молдавии, и южной – Ногайских и Буджакских степей и крепостей по Днестру, а именно: Хотина, Бендер и Аккермана. Тогда Россия подтвердила все трактаты к положению Молдавии и Валахии законными с присовокуплением очищения их от турецких войск и учреждения собственной народной милиции. Таким образом, столь важный для России Бухарестский трактат 12 мая 1812 года, благодаря храбрости наших войск, доблести генералов и, правду сказать, усилиям дипломатов, был заключен, и мир с турками продолжался более 16 лет сряду.

Вот перечень жертв и стараний Русского двора в течение 50 с лишком лет в пользу полудикой области, богатой от природы, но народы которой, за исключением святых истин православной Христовой церкви, были погружены во тьму варварства под игом не только мусульманских владык, но и своей собственной интеллигенции, воспитанной в австрийском и французском разврате. Но, благодаря

упомянутым выше, а тем более близким к нам трактатам, русское покровительство, обеспечивая безопасность извне и внутри княжества, развило в румынах желание просвещения духовного и светского. Но до какой степени еще их безопасность даже в начале текущего столетия была непрочна, мы увидим ниже из прилагаемых подлинных документов, самими румынами писанных.

Мы вполне уверены, что тяжкая война Крымская и недавняя кампания за невольных болгар слишком известны всем не только в России, но и во всей Европе, чтобы доказывать их влияние на благоденствие княжеств и на их совершенную неблагодарность к своим спасителям и освободителям. Довольно вспомнить, как, сделавшись приятелями англичан и, разумеется, дорогих наших союзников, они добились уступки им части Бессарабии на ее главнейшем рубеже – именно устьев Дуная от Измаила до Систова. Вспомним те бесстыдные жалобы и иеремиады, когда по Берлинскому трактату Подунайская Бессарабия возвращена России-победительнице. Вспомним, наконец, и ту дерзость румынов, когда, вызвав удаление войска из княжеств, они собирались с оружием в руках не допускать болгар в определенные им земли и крепости. Но Россия продолжала заботиться о своих молдавских подданных и еще недавно уничтожила крепостное, т.е. чисто рабское землевладение в Бессарабии⁹.

Вот перечень, повторяем, тех безмерных и плодотворных милостей, которыми наделила Россия оба княжества, жертв войн и побед над турками. Но внутренние распорядки, заведенные русским правительством, введенные после войны для возрождения княжеств после целых столетий политического и домашнего рабства, от бесчинств бояр, варварства народа, грубого, но трудолюбивого и честного – поистине бесчисленны и скоро приносили плоды сторицей. Учрежденные Россией «диваны» под руководством таких государственных людей, как граф Ф.П. Пален, а после Киселев, побороли почти все накопившиеся веками злоупотребления, хищничество и духовное безверие. Эти государственные люди уверяли (что я и сам лично слышал), что простой молдавско-валахский люд, несмотря на вековое рабство, имеет все элементы добра: трудолюбие, семейные добродетели, веру в Бога и его православную церковь – но очень туг к «просвещению», на грамоту и книжный разум, высшие же классы, бояре и бей-зая (князья¹⁰), то, что теперь называются интеллигентами, хотя воспитаны венскими и парижскими учителями, а еще более учительницами (актрисами, танцовщицами и т.д.), никогда ни к чему не способны, кроме интриг и разврата. Это утверждал уже 50 лет назад почтенный *Гинкулов*, говоря в упоминаемой нами своей книге, что молдавское дворянство, т.е. князьки, бояре и чиновники, неохотно учились сами и учили сво-

их детей в таких школах, которые учреждены по начинанию или под покровительством русского управления в обоих княжествах. Даже духовные верования подверглись разным расколам, особенно католическому учению, столь противному для простого румынского народа.

Были еще другие большие милости и благодеяния Румынии от столь ненавистной теперь для бояр России. Так, например, тысячи эмигрантов всех сословий не только спасались от турок, но и обогащались в наших пределах. Мы уже говорили в другом месте¹¹, какое обширное поле-приют открылось в 1740-1760-х годах в плодородных степях Новороссии в рядах Новосербского поселения и корпуса для вызываемых и добровольно приходящих христиан, особенно из православных. Сперва образовывались из них целые, хотя и небольшие военные отряды, например, Молдаво-гусарский полк¹², а затем возникли настоящие военные поселения, главой которых был молдавский офицер *Дунул*, переименовавшийся в полковника Зверева. Первая усадьба молдаван большей частью из бежавших от татар пленных и ясыря, т.е. захваченных ими в набеge на Бессарабию, был поселок у Днепра на устье р. Суры в 20 верстах от Половицы, ныне Екатеринослава, существующий под названием Волоские хутора, на почтовой дороге от сего города до Никополя, бывшей тогда главной пограничной переправы через Днепр на Крымскую сторону, или Никитской заставы. В 1750 и 1760 годах число их было довольно значительно, тем более, что вместе с румынами селились и бежавшие в Турцию в «прежние времена» из Малороссии поселенцы. Им отведены были многие тысячи десятин земли в северной части нынешнего Елисаветградского уезда, между Ольвиополем (Запорожским Орликом), Новоархангельским шанцем и даже до Буга, и отсюда были вытеснены многие запорожские зимовники и даже усадьбы, за что до конца существования Сечи, т.е. до 1775 г., велась страшная борьба с козаками.

Кроме того, за особенные услуги во время 1770 и 1780 годов после Бухарестского мира многие молдаванские бояре и чиновники получили большие участки земли в Херсонской губ., которые в 1803 году простирались до 300 000 десятин. По официальным земским спискам в Очаковской области, в Одесском и Тираспольском уездах дано:

1. Бригадиру Катаржи	24 000 десят.
2. Коллежскому советнику Гаюсу	22 425 «
3. « « Эм. Бальшу	18 765 «
4. « « Макарескуль	17 850 «
5. Полковнику Кесоглу	14 090 «
6. Коллежскому советнику Карпову	12 280 «
7. Титулярному советнику Керстич	11 160 «
8. Полковнику Ромодано	12 374 «

9. Действ. ст. советнику Скарлату-Стурдзе ¹³	12 000	«
10. Князю Деляр Кантакузену	10 750	«
11. Майору Ремази	12 377	«
12. Надворному советнику Стамовичу	7 655	«
13. Коллежскому советнику Кука	6 050	«
14. Подполковнику Курт ¹⁴	4 706	«
15. Братьям Граматик	6 008	«
16. Коллежскому советнику Кука	6 050	«
17. Портаресу Эскапорити	4 600	«
18. Титулярному советнику Эскапорити ¹⁵	4 620	«

Но кроме здесь поименованных были еще пожалованы в последствии земли: князю Кантакузену по р. Мертвоводу и Бугу (близ «Соколов», нынешнего Вознесенска), Лупулу (Звереву), Адабашу, Акацатову, Алымовым и пр. Мы не говорим уже о целых обществах поселенцев, перешедших после 1812 г. с дозволения правительства на левый берег Днестра и оставшихся там; прекрасные селения их и до сих пор существуют.

Заметим еще, что многие такие румынские бояре или чиновники получили всякие чины военные и гражданские и считались в действительной государственной службе, хотя большая часть из них ни в армиях, ни в администрации не участвовала.

Один из важнейших вопросов, на который мы обращаем внимание наших будущих историков, это вопрос духовный, или, лучше сказать, церковный, православный. Россия после падения исполинского «Рума», т.е. Византийской империи, сохранила с Константинополем, т.е. патриархом вселенским, сыновние, а с ее провинциями: Румелией, Романией, румынскими и славянскими областями, братьями по вере, дружеские, хотя еще редкие сношения. Церкви Киевская и Московская считали себя подчиненными патриаршему престолу, хотя он был в полном подчинении у турок. Это подчинение сохранялось лишь до учреждения в царстве своем автономного патриаршего престола в Москве. В то же время не только духовенство, но и русский народ узнали от посещавших Киев и Москву антиохийских, цареградских и даже александрийских патриархов или через их поверенных архиереев и монахов, в каком положении находились целые миллионы духовенства и паствы людей православных. Все эти лица пробирались с великим трудом в Россию «для испрошения помощи и милостыни для церквей или причтов в басурманских владениях».

Настоящие сношения русского и румынского духовенства начались едва в XVII столетии во время архиерейства в Киеве знаменитого православного пастыря *Петра Могилы*, потомка княжеских родов в Молдавии, воспитанного на лоне русской церкви¹⁶. Наше духовенство

с удивлением узнало, что 3 000 000 чел. православного, но полудикого народа совершают богослужение и читают молитвы по книгам, напечатанным на славянском языке, которого не только простой народ, но и самое духовенство не понимало. Даже в 20-х годах нынешнего столетия книги церковные печатались на том же языке, а богослужение продолжалось по прежнему ритуалу. Только после Адрианопольского мира, когда автономия княжеств под покровительством России упрочилась, «диван» по просьбе населения и с согласия русской иерархии позволил румунам богослужение по книгам, печатанным на молдавовлахийском языке. В числе безмерных благодеяний для Молдавской и вообще восточной церкви, даже за пределами империи, должно считать и покровительство нашего правительства к так называемым «преклоненным» монастырям и церковным землям, находящимся между Прутом и Днестром, следовательно, в пределах империи. Монастыри заграничных обществ, обреченные по обету к послушанию и бедности (*paupertati et obedientiae*), владеют бесплатно недвижимыми имуществами в Бессарабии, и это в нынешнем столетии, когда русские монастыри в империи уже давно их не имеют. В подлинных, весьма многочисленных молдавских грамотах обыкновенно говорится, что господари и частные лица из румынских княжеств жертвовали «преклоненным своим и заграничным (на Востоке) православным святыням: монастырям, скитам и церквям, преимущественно Афонским и Святого Гроба, земли, леса и дачи в селениях и городах для успокоения своей совести на славу Божию и в помощь ближним». Эти драгоценные и многодоходные имущества, благодаря покровительству и защите России и, следовательно, политической и внутренней безопасности, сделались в наше время богаты селениями и усадьбами. В 1870 г. они заключали 214 320 десятин земли, в том числе более 37 000 выгонной или «кодров», т.е. лесов, и приносили на основании последнего контроля до 507 000 р. и 2000 австрийских червонцев ежегодно; в том числе на долю молдавских монастырей в Бессарабии приходится более 50 000 дес. земли и лесов, и каких лесов! — и с лишком 100 тысяч руб. ежегодного дохода. Бессарабские монастыри, их земли и дома в городах управлялись наместниками, т.е. поверенными от заграничного духовенства или от румынского монашеского начальства, и привели итоги имуществ в окончательное разорение. Русский контроль показал, что монастыри и имущества были в самом ужасном запустении, даже церкви в развалинах и неопрятности, *quaeque ipse miserrima vidi!* Доход не поступал по принадлежности или поступал скудными суммами, ибо все земли и уголья отдавались в аренду — и большей частью бессарабским чиновникам, а кабаки евреям. В 1870-х годах одно имение или, скорее, большой строевой лес в Аккерман-

ском уезде, укрепленный ошибочно по спору с казной, по ходатайству генерал-губернатора был возвращен такому преклоненному монастырю после 20-летней тяжбы – и что же? Монахи немедленно продали лес на сруб жидам, а земля подверглась засухам и неурожаю. Еще в 1860-х годах благотворительное правительство обратило внимание на такое постыдное управление монастырским, т.е. церковным достоянием и поручило чинам министерства государственных имуществ наблюдение и контроль над ними; но все было напрасно, и в 1870-х годах еще раз возвратилось управление в руки заграничного духовенства, но под строгим наблюдением, чтобы благочестивые желания дателей и их цели были всеконечно выполнены.

В каком положении была Румыния даже в первой половине XIX столетия, укажут прилагаемые здесь документы, списанные с подлинных актов, которые сохранились с высочайшими на них резолюциями. Эти акты взяты из драгоценных дел Одесского генерал-губернаторского архива и едва ли кому-нибудь были доселе известны. Русские люди, читая их, могут вполне убедиться в сказанном нами выше – в том, как Румыния, т.е. Молдавская и Валашская области, из пустыни *solitudo Gaetarum* обращены в богатые княжества, всем своим политическим и экономическим положением обязанные одной России; и немало удивятся они, чем Румыния заплатила за столько жертв русскому правительству за свое освобождение от Турции и избавление от рабства.

Драгоценные предлагаемые нами акты представлены были, главным образом, великому государю, освободителю Европы от нашествия исполина Наполеона I в 1813 году, и, следовательно, в самую трудную эпоху даже для победителя. Мы будем описывать их буквально.

№ 1.

Высочайший указ за подписью Государя на имя Херсонского военного губернатора Дюка-де-Ришелье:

«Усмотрев из представления Вашего, что Тираспольского уезда помещики: Бранкован, Бицилли и Додонов, записав в ревизию в деревнях своих - первые два родных своих брата, а последний племянника своего с семействами их, считают себя укрепленными и в сем звании не токмо употребляют их в работы, но не изъемяют даже и от телесных наказаний – в пресечение сей примерной жестокости и корыстолюбия повелеваю:

1) Означенные семейства, яко неправильно и подлогом укрепленные, освободить, предоставив им избрать род состояния по желанию.

2) Помещиков вышепоименованных за сей поступок, противный общему порядку и основанный в подлог закона, предать суду по закону».

В С.-Петербурге

Февраля 27 дня, 1806 года.

Александр

Граф В. Кочубей.

№ 2.

Перевод с молдавского.

Копия

Милосерднейший Монарх, Покровитель Православия!

Преданнейшие Тебе обитатели Молдавии, будучи угрожаемы ныне страшными бедствиями, стремящимися к совершенной гибели их, с жалостнейшими воплями, до небес простирающимся, и с горчайшими слезами обращаются к Милосердию Твоему, Августейший Монарх!

Восемнадцатимесячный срок уже оканчивается, и с окончанием оного появляются ужасные для нас предзнаменования. Ибо на берега Прута, который отделяет нас от России и который столь близок от Ясс, что мы оный видим из домов наших, прибыли от Порты нарочные чиновники, чтобы избрать места для крепостей, кои Порта намеривает там устроить. Уже утверждают, что повелено назначенным для стражи вооруженным туркам идти на Прут, и самые Яссы, столица Молдавии, страшится, чтобы не быть наполненною войсками оттоманскими под предлогом пограничной стражи.

Мы видим, с каким бесчеловечием проливается кровь сербов, подобных нам христиан. Зрим, с каким неистовством мстит Порта тем, кои показали преданность свою и усердие к оружию православному. Несчастные обитатели Молдавии, невинные христиане, возжегши в сердцах своих ревность к Престолу Российскому назад тому более нежели за сто лет, не погашали оной ни во время брани при Минихе, ни во время первой и второй войны блаженной памяти Екатерины Великой, и наипаче пламенели они усердием своим к войскам Вашего Императорского Величества в последнюю войну. Свету известно, что Молдавия жертвовала всею преданностию своею оружию православному и Престолу Вашего Императорского Величества. Турки не скрывают ярости своей за сие. И они по прошествии восемнадцати-

месячного срока могут некоторых из нас умертвить, многих повергнуть в нищету, а всех привести в ужас. Оставляя мысли о том, чем угрожает нам будущее время, мы скажем о действительных происшествиях, что ежели и не три крепости, как слышно, а одна только или две будут сделаны на берегах Прута, то естественно следует, что мы должны будем лишиться поместьев своих, в рассуждении положения их при Пруте; а затем всякую минуту будем в опасности лишиться жизни. Мы находимся в ужасном смятении, устремляем мысль нашу к Небесам, а очи, проливающие токи слез, к Тебе, Августейший Покровитель Православия!

Сжался над нами, Великий Государь! Сжался над погибелью душ наших. Прости над нами могущественный Покров Твой. Мы Твои, мы жертвовали собой Престолу Твоему. Сила Твоя да спасет нас и да будет ей помощью Господь, во славу Царствования Твоего.

Если переселиться нам за Прут, то мы придем в совершенную нищету, мы должны будем лишиться здешних наших жилищ, а монастыри имений, посвященных им от предков наших. Ежели остаться нам здесь, то предстоят очевидные опасности. Оттоманская Порта представляет нам, что нам нельзя будет владеть поместьями нашими, за Прутом состоящими, заставляет нас продать оные, а мы не имеем кому продать ни запрутских, ни здешних поместьев своих.

Всемиловитейший Государь! Пред сим послали мы всепокорнейшее прошение наше к Вашему Императорскому Величеству относительно имений наших, но не имели счастья получить, к обрадованию нашему, священного решения Твоего. Ожидаем милосердия Твоего на прошение сие, не имея кроме Тебя, Августейший Монарх, никого другого, к кому бы могли простерти руки наши.

Теперь присовокупляем прошение и о спасении жизни нашей. Посвяти, Милосерднейший Монарх, одну минуту для пораженных горестью христиан - обитателей Молдавии. Обяжи самого Господа, поборяющего оружие Твоему. Устрой спокойствие наше. Исторгни нас и ныне из бездны отчаяния, дабы мы до истечения срока могли знать, как нам спасти жизнь свою, да ведаем, благоизволишь ли Ты, Милосерднейший Государь, и на то, чтобы мы владели поместьями нашими, за Прутом находящимися, а равно и священные обители да ведают прибежище свое и да возмогут воссылать непрестанные молитвы о превознесенной Империи Твоей. Ибо все мы находимся в опасности жизни.

Вашего Императорского Величества

всепокорнейшие рабы

Вениамин, Митрополит Молдавский.

Константин Гика, быв. вел. логофет.

Константин Балаш, быв. вел. логофет.
Нордакий Кантакузин, вел. логофет.
Нордакий Россет Рознаван, быв. вел. вистерник.

1813 года
Октября 10-го дня.

№ 3.

Перевод с молдавского.

Копия

Высокопреосвященнейший Владыко
Милостивейший Отец!

Зная, колико Ваше Высокопреосвященство проникнуты священою должностью любви христианской, зная привязанность Вашу к Молдавии, в коей провели Вы первые дни жизни Вашей, зная, наконец, христианские Ваши чувствования и прежнюю приязнь Вашу, обращаемся ныне к Вам и возлагаем надежду нашу ныне на отеческую Вашу помощь, заклиная Вас Господом сохранить сие в тайне для безопасности нашей.

Высокопреосвященнейший Отец! Мы, все обитатели Молдавии, находимся ныне в положении, угрожающем величайшею опасностью жизни нашей. Пример сербов, погибающих от посещения бесчеловечного, от плена ужасного, от пролития крови чад пред очами родителей и родителей пред очами чад их, и затем прибытие сюда турков для избрания мест на крепости и слух о том, что идут сюда вооруженные турки, назначенные для стражи пограничной на Пруте – все сие весьма ясно нам показывает предзнаменования, угрожающие нам нищетой, потерей поместьев и опасностью жизни, каковые бедствия неразлучны с совместным жительством с нами войск турецких и с непрестанным созерцанием мечей их.

Сии горести, коими угрожает нам будущее время, заставили нас прибегнуть к Милосерднейшему Монарху, покровителю православных, коего Императорскому Престолу жертвовали мы с верностью. Мы составили по секрету сию нашу слезную всепокорнейшую просьбу к Всемилостивейшему Государю и посылаем оную к Вашему Высокопреосвященству с господином спатарем Букшенеском, отправляющимся отсюда как по сему делу, так и ради своего имущества, находящегося в Бессарабии. Милостивейший Отец! Окажите ради имени Божьего отеческое сострадание в сии минуты, только опасные

для жизни нашей, и, соединя по известному нам добродушию Вашему слезы свои с нашими, примите в рассуждение горькие страдания христиан – обитателей Молдавии. Ваше Высокопреосвященство были свидетелем жертв наших к Престолу Российскому. Воззрите ныне на сердечные слезы наши; явите милость свою к нам, переведите немедленно помянутую просьбу нашу, а равно и сие плачевное наше письмо и, присовокупив к сему усердное представление со стороны христианской души вашей, отправьте в тайне, как возможно скорее, к Монаршим Стопам с духовной особой.

Мы не имеем другого, на кого бы более устремить очи свои, как только на милосердие Могуущественнейшего Императора Всероссийского, дабы он силой своей или спасительным своим заступлением не допустил быть пролития крови нашей.

Высокопреосвященнейший Отец! Если мы решимся перейти на ту сторону, то жилища наши, здесь находящиеся, святые обители и церкви, поместья и имения, посвященные монастырям, все обзаведения должны будут пропасть. Если же не перейдем и не будет сделано особаго положения для обеспечения жизни нашей, то мы должны будем, без сомнения, подвергнуться опасности.

Уже восемнадцатимесячный срок оканчивается, и мы ныне утопаем в волнах отчаяния. Духовные и гражданские чины молдавские все со слезами умоляем Ваше Высокопреосвященство, отправьте немедленно на счет наш духовную особу и изъясните перед Августейшим Престолом слезы наши, да исторгнет нас Милосерднейший Монарх из опасности, да благосоизволит наставить нас и известить нас, к упокоению нашему, о том, каков будет жребий наш по прошествии срока.

Обяжи, Высокопреосвященнейший Отец, самого Господа и души наши. Мы пред сим послали прошение к Государю Императору касательно поместий монастырских и боярских, находящихся на той стороне Прута, дабы Всемиловитейше позволено нам было владеть ими. Порта предлагает нам продать их, но мы не имеем ни средств к тому, ни покупателей. Без сих поместьев мы лишаемся пропитания. На просьбу о поместьях сих мы не имели счастья получить ответа от Августейшего Монарха. Покорнейше просим напомнить и о сем, а паче всего постарайтесь о том, дабы жизнь наша обеспечена была на будущее по истечении срока времени. Постарайтесь, чтобы мы извещены были о сем. Поелику все мы прискорбны ныне даже до смерти.

О прочем объяснит господин Букшенеско. Мы же во все течение жизни нашей пребудем Вашего Высокопреосвященства Милостивого Архипастыря низайший о Христе брат и покорнейший слуга

Вениамин, Митрополит Молдавский.

Покорные слуги

Константин Гика, вел. логофет.
Нордакий Кантакузин, вел. логофет.
Констнтин Балаш, вел. логофет.
Нордакий Россет Рознован, вел. вестияр.

Яссы,
1813 года
Октября 10 дня.

№ 4.

Перевод с молдавского.

Копия

Высокопреосвященнейший Отец!

Его же любит Господь, наказует. Но христиане в скорбях своих прибегают к Святому Милосердию Его, испрашивая спасение себе. Мы, обитатели Молдавии, духовные чада Вашего Высокопреосвященства, находимся ныне в положении, угрожающем величайшею опасностью жизни нашей. Кому не известны пожертвования, принесенные обитателями Молдавии Священному Престолу Российскому? Кто не видит ужасных страданий, претерпеваемых ныне от оттоманской ненависти теми, кои служили России? Пример сербов, погибающих от посечения бесчеловечного, от плена ужасного, коих кровь льется подобно текущему ручью, кровь родителей в виду чад и чад в виду матерей – сей пример заставляет премногих из нас отчаиваться в жизни своей; а прибытие турков для устройства крепостей на берегах Прута, находящегося пред глазами нашими, и слух о том, что идут уже на Прут вооруженные турки для содержания стражи на границах – сии обстоятельства весьма ясно показывают нам, что мы в Яссах, принуждены будучи совместно жить с гвардиею турецкою, соделаемся жертвою меча их в отмщение верности нашей к Престолу Российскому, и потому горесть непрестанно будет снедать сердца наши, а удовлетворение тягостнейших требований турков от остатка Молдавии естественно повергнет в нищету фамилии наши.

С умиленнейшими воплями пишем сие и препровождаем для сведения Вашего Высокопреосвященства копию просьбы, которую мы дерзнули отправить с эстафетой к покровителю Православия Александру Первому. Но мы, обитатели Молдавии, не имеем в армии никакого заступника, не имеем никакого знакомого из знаменитых мужей, все великие защитники наши, к несчастью нашему, переселились в вечность. Мы со слезами секретно пишем сие Вашему Высокопреосвященству, отправляя к Вам господина Букшенеска, который кроме

сего дела имеет надобность ехать туда и по своему имуществу, там находящемуся. Милостивейший Отец! Окажите отеческое сострадание нам в часы, угрожающие опасностью жизни нашей. Здесь страдают не только древние фамилии и весь народ, но и Святые обитатели, на сей стороне находящиеся. Воззрите на слезы душ наших. Господин спатарь Букшенеско подробно объяснит Вам все. Ради имени Божьего, примите во уважение страдания христиан.

Ваше Высокопреосвященство сами были свидетелем жертв, принесенных Молдавию Престолу Российскому. Явите к нам милость, переведите помянутую просьбу и сие слезное наше письмо, присовокупите и с своей стороны убедительное представление и в тайне отправьте все сие к Милосерднейшему Монарху. Мы, не имея другого, на кого бы могли устремить очи наши, на Его единого оныя обращаем, да сохранит Он кровь нашу в воздаяние за пожертвования, учиненные нами в течение жизни нашей Священному Престолу Его, да подаст нам помощь к спасению жизни нашей, да благосозиизволит показать нам способ избавления нашего. Его Императорское Величество может отвратить от нас столь ужасную опасность, может утешить нас животворным повелением и наставлением своим. Вся возможна суть могуществу Его.

Высокопреосвященнейший Владыко! Если мы вздумаем перейти на ту сторону Прута, то здешние наши поместья, строения, дома и Святые церкви должны погибнуть, а мы придем в совершенную нищету. Ежели остаться нам здесь, то жизнь наша подлежит опасности. Восемнадцатимесячный срок оканчивается, и мы находимся в ужасном замешательстве. Мы ныне погружены в волнах, угрожающих нам величайшим ужасом. Со слезами просим Вас, отправьте на иждивении нашем духовную особу к Стопам Монаршим и учините со стороны своей о нас представление: да умилиосердится над нами Августейший Император и да избавит нас от сея бездны погибели.

Порта принуждает нас продать поместья наши, за Прутом находящиеся. Но мы не имеем, кому продать, и кроме того, мы из сих поместьев получаем содержание для наших домов, следовательно, продавши их, должны будем подвергнуться бедности и лишиться насущного хлеба. Ежели их не продадим, то можем воздвигнуть на себя еще большую злобу и большую лютость турков. Пред сим послали мы просьбу к Милосерднейшему Монарху, да сотворит с нами милость и Высочайше позволит нам владеть беспрепятственно помянутыми поместьями, но ответа на просьбу сию не получили.

Хотя мы твердо и несомненно надеемся, что Покровитель христианства Великий Александр не допустит нас до обиды, однако же с болезненным сердцем просим Ваше Высокопреосвященство припом-

нить и о сем, да придет к нам от Престола Монаршего луч утешения, чтобы мы могли хотя экономически, то есть под другими предложениями, сделать обмен поместьям нашим, основавшись на милосердии Правительства. Покорнейше просим, отправьте секретно духовную особу, ибо мы погибнем, ежели это обнаружится. Бога ради, употребите старание, чтобы нам прислан был ответ. Мы во веки пребудем благодарны. Примите на себя попечение о жизни нашей.

Остаемся Вашего Высокопреосвященства Милостивого Архипастыря и Отца духовные сыны и покорные слуги

Костакий Гика, вел. логофет.
Константин Балаш, вел. логофет.
Георгакий Россет, вел. вистерник.

Яссы
1813 года
Октября 16 дня.

№ 5.

Копия

Секретно

Сиятельнейший Князь,
Милостивый Государь и Благодетель!

Первостатейные бояре молдавские, препровождая ко мне с нарочным копию просьбы, отправленной ими к Его Императорскому Величеству, со слезами умоляют меня в двух письмах своих, при сем в подлиннике и переводе прилагаемых, дабы я секретно употребил мое ходатайство у Престола Монаршего о спасении их от угрожающей им ныне со стороны Порты опасности лишиться не только имений, но и жизни. Самой нынешний Митрополит Молдавский Вениамин, доселе бывший ревностным приверженцем Порты, или будучи выведен ныне из заблуждения критическим положением отечества своего, или по настоящию бояр, подписал вместе с другими первостатейными боярами одно присланное ко мне о сем письмо.

Я, совершенно будучи известен, что по злобным внушениям врага всемирного спокойствия, дерзнувшего было вторгнуться и в пределы Богом благословенные России, действительно предстоит ныне великая опасность для Молдавии, не могу быть равнодушным к плачевным воплям бывшей паствы моей, но ее пожертвований Престолу Всероссийскому неоднократно был я свидетелем в то время, в которое по Высочайшей воле управлял оной. Не имея же способов ис-

полнить желаний ее, я приемлю смелость обратиться с помянутыми бумагами к благотворной душе Вашего Сиятельства и вместе всепокорнейше просить об оказании покровительства и милости народу, погруженному в отчаяние. Не откажитесь, высокий Благодетель, с возможною скоростью довести до сострадательного слуха Всемилоостивейшего нашего Государя прилагаемое при сем в переводе прошение обитателей Молдавии и сердобольным предстательством Вашим исходатайствовать для сих несчастных Монаршую защиту, коею они с мучительным нетерпением до окончания восемнадцатимесячного срока ожидают, опасаясь, чтобы с истечением оного не сделаться им жертвой лютоcти турков.

Хотя прошение сие отправлено уже ими с эстафетой в армию к Его Императорскому Величеству, как ваше Сиятельство изволите усмотреть сие из второго письма, их ко мне от 16 октября писанного, но они сомневаются, чтобы оное могло быть верно доставлено, и потому просят повергнуть к Стопам Всемилоостивейшего Государя у сего прилагаемый перевод, в точности изображающий чувствования и положение их, изъясненные в подлиннике.

Простите мне великодушно, Сиятельнейший Князь, что я дерзнул вступить в сие толико тонкое дело. Ежели я вышел из круга моего действия и Ваше Сиятельство сей поступок мой изволите признать слишком отважным, то я готов с покорностью моей принять за сие выговор от Вас, Милостивый Благодетель! Ибо я решился писать о сем к Вашему Сиятельству, во-первых, будучи сильно поражен воплями бывшей паствы моей, которая на меня, яко на бывшего ее духовного отца, полагается более, нежели на всякого другого, в сохранении сего секрета, во-вторых, надеясь на великодушное снисхождение и милости Вашего Сиятельства ко мне. Если же столько буду счастлив, что Ваше Сиятельство не вмените сего мне в вину, а изволите принять благосклонно и одобрительно, то не оставьте, Высокий Благодетель, содействовать спасению поверженных в отчаяние соседних нам единоверцев, которых я поручаю после Бога сострадательному расположению Вашего Сиятельства и, ожидая на сие милостивого ответа, с достодолжным моим высокопочитанием и преданностью честь имею быть, Сиятельнейший Князь, Милостивый Государь и Благодетель!

Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга и богомолец
Гавриил, Митрополит Кишиневский и Екзарх.

1813 года
Октября 31-го дня
Кишинев.

№ 6.

Копия

О критическом состоянии молдавских жителей, преданных России.
«Объясниться по сему предмету с Канцлером и руководствоваться его мнением».

Собственноручная резолюция Императора Александра I.

Бар Сюр-Сен.

Января 25-го, 1814 г.

Митрополит и Екзарх Гавриил, по убеждению молдавских бояр, бывших прежде в его пастве, приемлет смелость предстательствовать о них пред Вами, Всемилостивейший Государь, по содержанию отправленной ими с нарочным к Вашему Императорскому Величеству просьбы, коея список у сего прилагается.

В ней заключается следующее:

1) «Турки намерены построить на берегах Прута несколько крепостей, а под предлогом пограничной стражи ввести войска туда и якобы в самый город Яссы». Бояре предвидят от сего одно несчастье для жителей Молдавии и собственно себе притеснения, а может, и погибель за оказанное усердие к России. В пример поставляют единовольцев наших, сербов, которые ужасно пострадали от жестокости и мщения турок за оказанное усердие к России.

2) «Настоящее положение бояр самое критическое. Если они переселятся по сю сторону Прута, то лишатся там прежних жилищ своих, останутся в бедности, да и монастырские имущества, посвященные предками их, также потерпят. Если и не переселятся, то не менее разориться могут. Порта предлагает, что им нельзя уже будет владеть поместьями, за Прутом лежащими, и заставляет их продать: но покупщиков в виду нет. Между тем осьмнадцатимесячный срок истекает».

Бояре молдавские и сам Епархиальный Митрополит Вениамин в письмах своих к Екзарху слезно умоляют его довести секретным образом до сведения Вашего Императорского Величества о настоящем положении молдавских жителей и исходатайствовать им Монаршее покровительство.

Я осмеливаюсь повергнуть полученные мной от Екзарха бумаги, равно и само его письмо ко мне, на Высочайшее Вашего Императорского Величества благоусмотрение.

Подлинное подписал: Князь Александр Голицин.

С.-Петербург.

30 декабря 1813 года.

№ 7.

Копия

С представлением обратно докладной записки
и бумаг относительно Молдавии.

*«Сим делом здесь никакого способа нет заниматься,
и для того представить по моем возвращении».*

Собственноручная резолюция Императора Александра I.

Париж.

Мая 1-го 1814 года.

Вследствие Высочайшего повеления объяснялся я с Государственным Канцлером по содержанию доставленных Екзархом Бессарабским бумаг о критическом состоянии Молдавии. Граф Румянцев отозвался, что он около двух недель не занимается уже делами Иностранной Коллегии.

Не осмеливаясь сам собой передать бумаги г-ну Вейдемейеру, который только по препоручению Канцлера занимается иностранною частью, и не зная, будет ли он утвержден Вашим Величеством, я обратился к председательствующему в Комитете Министров. Граф Салтыков также отказался от рассмотрения такого предмета, который не относится к его ведению.

Донося о сем Вашему Императорскому Величеству, приемлю смелость паки представить на Высочайшее усмотрение присланные Екзархом бумаги.

Подлинное подписал: Князь Александр Голицын.

Санкт-Петербург

28 февраля 1814 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Любопытно то обстоятельство, что поляки, слушая разговор итальянцев, нагрянувших на Польшу в XVI в. вместе с королевою Боной-Сфорца, думали, что они говорят по-валашски, и с того времени итальянцев поляки называют Wlochy.

2. Начертание правил Валашско-Молдавской грамматики Г. Гинкулова. СПб., 1840 г.

3. Лучшим памятником влияния славянского языка в Румынии может служить само название высших там должностей: господарь (хозяин), бояре, справник.

4. Краткое изложение дипломатии Российского двора соч. И. Кайданова. СПб., 1833, ст. 32-36.
5. Статья написана уже давно.
6. См.: Кайданов, стр. 67.
7. См.: стр. 71.
8. Ibid., стр. 134.
9. В 1830-х годах мы видели сами в Бессарабии даже целые сотни этих рабов, только с названием крепостных цыган; почти все слуги у бояр и помещиков набирались из этого злосчастного народа.
10. Турки не знают дворянства; в Молдавии они допускали «бояр», т.е. землевладельцев, и *бей-зая*, т.е. детей и внуков господарских родов.
11. Хронол. обзор. Ист. Новор. края, ч. II под 1750-1760 годами.
12. В 1764 г. в Молд. гус. полку считалось уже более 600 душ обоего пола.
13. Он был отцом известного духовного писателя и дипломата Александра Стурдзы и временным Бессарабским губернатором, хотя не знал вовсе русского языка.
14. Большую часть этой земли и устроенных им усадеб Курт, бездетный, завещал Одесскому институту благородных девиц.
15. Взято из рапорта Тираспольского предв. двор. Туманова в 1803 году. См. наше Хронол. обзор. Ист. Нов. кр. Ч. II, стр. 331.
16. Петр Могила, сын молдавского князя Симеона, в 1625 г. поступил монахом в Киево-Печерскую лавру; в 1626 г. был уже архимандритом, а в 1630 г. был избран в сан Киевского митрополита.

Источник: Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XX. Одесса, 1897. С. 28-49.

Скальковский Аполлон Александрович (01) 13.01.1808 – (28.12) 09.01. (1898) 1899) - историк, член-корреспондент Петербургской АН (1856). Окончил юридический факультет Московского университета, был директором главного статистического комитета Новороссийского края и заведовал им же организованным в Одессе архивом Министерства внутренних дел. Главные его труды все почти составлены на основании архивных данных: «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края» (Одесса, 1835), «Первое тридцатилетие Одессы» (Одесса, 1837), «Сношения Запорожья с Крымом. Материалы для истории Новороссийского края» (Одесса, 1844), «История Новой Сечи и последнего коша Запорожского» (Одесса, 1846), «Наезды гайдамаков на Западную Украину в 1733-1768 годах» (Одесса, 1845), «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае» (Одесса, 1848), «Адмирал де-Рибас и завоевание Хаджибея» (Одесса, 1889). Кроме этих исторических трудов Скальковский написал еще ряд статистических работ: «Опыт статистического описания Новороссийского края» (увенчанный Демидовской премией), «Историко-статистический опыт о торговых и промышленных силах г. Одессы» (Одесса, 1859) и др.